Темушев. С. Н. У истоков крепостной неволи: данничество в Древней Руси / С. Н. Темушев // Российские и славянские исследования: науч. сб. Вып. 6 / редкол.: А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. редакторы) [и др.]. — Минск БГУ, 2011. — С. 127 – 132

С. Н. Темушев

У ИСТОКОВ КРЕПОСТНОЙ НЕВОЛИ: ДАННИЧЕСТВО В ДРЕВНЕЙ РУСИ

При определении понятия «крепостная зависимость» в советской историографии принято было выделять такие его характеристики, как личная, поземельная и административная зависимость крестьян от феодалов [9, с. 131]. В свою очередь, присутствие феодалов заставляет предположить наличие частной собственности на землю. В широком смысле под крепостным правом, крепостничеством (*бел.* — «прыгонніцтва», *укр.* — «кріпацтво») понималась всякая форма феодальной зависимости, находящая юридическое выражение в прикреплении крестьянина к земле; праве феодала отчуждать крестьян без земли; крайнем ограничении гражданской дееспособности крестьянина [10, стб. 68]. На современном этапе основными признаками крепостничества признаются: 1) собственность феодала на землю, которая находилась во владении или непосредственном пользовании крестьянина, а также неполная собственность на произведенную последним продукцию; 2) административная и судебная власть землевладельца над крестьянином. При этом появление крепостничества было обусловлено возникновением и развитием крупной земельной собственности [11, с. 404—405].

Учитывая отмеченные выше характеристики, истоки крепостничества и, более того, аналогичные явления обнаруживали с момента возникновения феодальных отношений в Древней Руси. Семь-восемь столетий, разделяющих начало феодализма в восточнославянском обществе и завершенные крепостнические отношения Российской империи, не являлись препятствием для проведения полной аналогии между положением крепостных крестьян и некоторых категорий зависимого населения домонгольской Руси. В этом отношении наибольшее сходство обнаруживалось в положении крепостных крестьян и так называемых «ролейных» (пашенных) холопов, т. е. холопов, посаженных их господином на землю. Действительно, сходство весьма существенно. Обращает на себя внимание полное совпадение с юридической точки зрения положения пашенных холопов и крепостных крестьян: это и наличие личной и поземельной зависимости, и собственность господина на землю и произведенную его работниками продукцию.

В связи с этим принципиальное значение приобретает спор об отождествлении институтов рабства и холопства. В свое время дискуссия по этому вопросу была инициирована Б. Д. Грековым, для которого важнейшим критерием определения сущности зависимого положения являлось отношение работника к средствам производства. Так, ведущий советский ученый отмечал, что «... раб — собственность хозяина, живет на иждивении хозяина, средств производства не имеет, работает господским инвентарем на хозяина, никаких государственных повинностей не несет и рассматривается как объект гражданского права. Крепостной крестьянин имеет собственное хозяйство, основанное на личном труде, а в силу зависимости от своего хозяина-феодала обязан ему феодальной рентой и в то же время несет многочисленные государственные повинности» [1, с. 175]. Являлись ли в таком случае рабами древнерусские холопы? В наиболее фундаментальном исследовании по проблеме зависимых категорий населения в Древней Руси «Холопы на Руси» А. А. Зимина как будто дается однозначный ответ на этот вопрос: «Холоп — это раб русского феодального общества». Но в то же время

Темушев Степан Николаевич — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

советский историк называет данную категорию древнерусского населения наиболее противоречивой. С одной стороны, холопами являлись люди, «право владения которыми у господ было ничем не ограничено», холоп «не имел своей собственности и в любое время мог быть продан или отдан любому лицу». С другой — холоп «мог быть посажен на землю и иметь ее участок в своем распоряжении», к тому же убийство холопа запрещалось церковью [6, с. 6]. Изучение «Русской Правды» в свое время привело и Б. Д. Грекова к выводу о том, что «термин “холоп” не всегда тождественен понятию раб» [2, с. 128]. В одной из последних своих работ М. Б. Свердлов утверждает, что холопы, «находящиеся в составе господского хозяйства», «продолжали экономический и правовой статус патриархальных рабов, но в новых социальных условиях становились сословием лично зависимого населения» [16, с. 419].

Зависимые люди, объединяемые понятием «холопство» и более общим термином «челядь» [18; 15, с. 155], не были единой категорией по своему личному и имущественному положению. Некоторые холопы занимали довольно высокое положение в древнерусском обществе, формируя государственную администрацию и даже принадлежа к высшему слою. В то же время к числу наиболее бесправных людей относились пашенные и дворовые холопы [6, с. 6]. Однако источники свидетельствуют, что холопы, обладая имуществом, оказывались кредитоспособными: бывали случаи, когда княжеским холопам давали взаймы иностранцы-немцы. Об этом недвусмысленно говорит ст. 7а смоленского договора 1229 г.: «Аже латининъ дасть княжу хълопоу въ заемъ или инъмоу доброу члвкоу а оумре те не заплативъ а кто емльть его остатъкъ томоу платити немчиноу» [20, с. 22]. Таким образом, сохраняет свое значение вывод, сделанный еще в начале XX в. М. А. Дьяконовым, о том, что холопа нельзя рассматривать только как объект права [4, с. 94].

Итак, положение холопа не соответствует представлению о классическом античном рабстве. В таком случае, по крайней мере, одну из прослоек зависимых людей — пашенных холопов — следует отождествить с крепостными крестьянами XVII — первой половины XIX в. Однако и в данном случае нельзя обнаружить полной аналогии. Важнейшее отличие видится в источниках холопства: государство в лице верховной княжеской власти не может превратить свободное население в холопов. Между тем и холопы, являясь собственностью их владельцев, даже будучи посаженными на землю, выполняли те или иные обязанности только в пользу своего господина. Между тем крепостные крестьяне несли и государственные повинности (подушная подать, например, хотя ее сбор и был передан в середине XVIII в. помещикам).

Обратимся к рассмотрению другой категории населения домонгольской Руси, которая также часто отождествляется с крепостными крестьянами. Речь идет о смердах. Никакой иной категории древнерусского населения не посвящено столько исследований, как смердам. При этом нельзя признать, что проблема определения места смердов в древнерусском обществе в полной мере разрешена. Разнообразие мнений по вопросу о социальном и юридическом статусе смердов обусловлено, прежде всего, фрагментарностью источников.

Вслед за В. О. Ключевским значительная группа исследователей относила смердов к свободным людям, крестьянам, жившим на княжеской земле [1]. Для Б. Д. Грекова, имевшего среди предшественников по данной проблеме таких авторитетных исследователей, как М. Ф. Владимирский-Буданов, Н. П. Павлов-Сильванский, В. И. Сергеевич и др., смерд выступал в качестве обобщающего понятия для всех земледельцев домонгольской Руси: под именем «смерд» могли фигурировать как свободные, так и зависимые крестьяне [2, с. 181—213]. Большинство же советских исследователей видели в смердах одну из категорий феодально-зависимого крестьянства. Согласно С. В. Юшкову, смерды были близки к положению крепостных крестьян [26, с. 306]. М. Н. Тихомиров на основе данных «Русской Правды» пытался доказать,

[1] У В. О. Ключевского смерд — и «свободный простолюдин, и свободный крестьянин в частности», «вольный хлебопашец, живший на княжеской земле» [8, с. 319].

что «смерды и холопы ставятся в одно положение» [19, с. 82]. Е. Д. Романовой было обращено внимание, что свободные общинники Древней Руси в «Русской Правде» не называются смердами, что стало важнейшим аргументом в пользу зависимого положения смердов. Еще дальше пошел А. А. Зимин, обнаруживший определенную эволюцию в положении смердов. Применительно к XI в. ученый назвал их «особым разрядом холопов», затем в XII в. они постепенно «превращались в крепостных крестьян» [5, с. 227]. Между тем в западной историографии господствовало мнение о смердах, как о свободных людях [25, с. 99—100].

Особый интерес представляет мнение Л. В. Черепнина. Исследователь считал, что «термин “смерды” (крестьяне, зависимые от государства и эксплуатируемые путем сбора дани) появился наряду с термином “люди” (обозначавшим первоначально свободных крестьян-общинников) в результате перехода свободной крестьянской земельной собственности в собственность государства» [23, с. 248]. Важно также, что при этом Л. В. Черепнин выделял группу смердов, зависимых от князя-вотчинника [23, с. 249; 24, с. 191].

Л. В. Черепнин относился к числу исследователей, по мнению которых вызревание феодализма в древнерусском обществе происходило по пути трансформации верховной, государственной собственности на землю в собственность дворцово-вотчинную. В целом теория «государственного феодализма», которая впервые была четко сформулирована именно в трудах Л. В. Черепнина, призвана была обосновать важнейшие положения марксистской теории (последовательную смену формаций) в применении к древнерусским реалиям. Отсутствие свидетельств о частном землевладении (сеньории) вынуждала советских историков идти иным путем. В результате появилась теория о верховной собственности на землю государства, персонифицированного в князе, и эксплуатации лично свободного крестьянства посредством дани-ренты. Таким образом, все земли признавались коллективной собственностью господствующего класса, который осуществлял коллективную эксплуатацию земледельцев [13, с. V—VI].

Разъясняя ст. 16-ю Пространной редакции «Русской Правды» об уплате за убийство смерда и холопа одинаковой виры в пять гривен [«А за смердии холопъ 5 гривенъ...»; 14, с. 105], Л. В. Черепнин писал, что в процессе развития феодальных отношений часть государственных земель стала дворцовыми владениями. «Их население (смерды) из состава государственных данников перешло в число вотчинных крестьян. Это было связано с изменением их юридического положения. Дворцовых смердов и имела в виду Правда Ярославичей, определяя сумму платежа за их убийство в 5 гривен» [24, с. 191]. Таким образом, развитие древнерусского общества в целом и феодальных отношений в нем в частности приводит к образованию и постепенному количественном росту зависимого населения. При этом уравнивается статус лично несвободных холопов и ранее свободных смердов. Эти умозрительные выкладки обосновывают высказанные и Б. Д. Грековом, и С. В. Юшковым предположения о существовании зависимых смердов, причем зависимость эта прямо связывается с крепостничеством [1, с. 225—239; 26, с. 293—306].

Тем не менее последний вывод не находит поддержки даже у сторонников теории «государственного феодализма». К их числу принадлежит и М. Б. Свердлов, отмечавший, что «включение смердов в состав княжеского и боярского владения еще не меняло существенно их экономического и юридического статуса, поскольку первоначально названия и, вероятно, размеры податей оставались прежними» [15, с. 145]. Обращал внимание М. Б. Свердлов и на важные отличительные признаки основной массы смердов, не позволяющие отнести их к категории несвободных, зависимых людей, а тем более проводить прямую аналогию между ними и крепостными крестьянами. Анализ известий письменных источников о смердах, как категории свободного населения Древней Руси, привел исследователя к выводу о том, что их социальный и правовой статус определялся следующими обстоятельствами: «1) по социально-экономическому положению смерд — земледелец, владеющий лошадью, «имением» и по

актовым материалам XIV в. свободно отчуждаемой землей; 2) смерд находится под юрисдикцией и в «подданстве» «своего» князя; 3) он участвует в княжеском пешем войске, на войну у него мобилизуют лошадей; 4) княжеская правовая защита должна обеспечивать независимость смерда, как и других свободных, небогатых и незнатных, от «сильных»; 5) как свободный смерд платит продажу княжескому суду за совершенные преступления; 6) смерд живет в погосте и платит регулярную фиксированную дань — подать князю; 7) выморочное имущество смерда отходит князю как главе государства, в лице которого персонифицировалось право верховной собственности феодального государства на землю» [15, с. 144; см. также: 17].

Итак, ни одна из категорий древнерусского населения, традиционно относимая к «крепостному крестьянству», не может считаться таковой. Древнерусское общество в домонгольский период еще находилось в стадии формирования, далеко еще не сложились сословия, рано (даже в XII в.) говорить о существовании феодальных отношений классического западноевропейского образца (характерный пример: хотя появляется частное землевладение, но основными работниками в вотчинах выступают не общинники, а холопы) [2]. В древнерусский период можно обнаруживать только наметившиеся тенденции, причем именно во множественном числе: неумолимый ход истории, на который в восточноевропейском регионе решающим образом повлиял внешний фактор, привел к складыванию тех отношений, который нам известен. Однако при этом нереализованными остались иные альтернативные тенденции развития.

В Древней Руси, несомненно, еще не было крепостничества: в лице пашенных холопов или части смердов мы только обнаруживаем тенденцию к превращению данничества в феодальную ренту, которая уже после периода «ордынского ига» трансформируется, в силу ряда особенностей складывающихся общественных отношений, в которых важная роль отводилась военно-служилому сословию, в крепостничество. Между тем, безусловно, правильным будет искать истоки данного явления уже в рассматриваемый отдаленный период. Именно в древнерусскую эпоху были заложены основы тех отношений покорности или готовности основной массы земледельческого населения нести повинности или в пользу государства (в лице князя, что сделает незаметным переход от государственной эксплуатации к частновладельческой, сначала в княжеских вотчинах, затем и в боярских), которые сделают возможным полное прикрепление крестьян к земле и лишение их юридических прав. В этом отношении весьма перспективным представляется изучение генезиса и развития даннических отношений. Именно внеэкономическое принуждение (в древнерусский период заключающееся именно в выплате дани) оказывается важнейшим признаком феодальных отношений и крепостничества. Данничество создает основу, почву для будущего превращения основной массы сельского населения в закрепощенное податное сословие, «крещенную собственность». При этом государство организует население с использованием своего административного аппарата, передавая права на непосредственных производителей материальных благ в руки отдельных лиц, в том числе тех, кто выполняет важные для сохранения целостности или просто нормального функционирования общества функции (военно-служилое сословие, церковная организация).

Советские историки стремились найти полное соответствие в некоторых явлениях домонгольской Руси с явлениями значительно отдаленной по времени эпохи. Но представляется более правильным искать эволюцию в общественных отношениях, положении отдельных социальных групп, приведшую в итоге к формированию однородного по своему экономическому и юридическому статусу слоя крепостного крестьянства. Прошли определенную эво-

[2] Еще В. О. Ключевский, рассматривая различные категории населения Новгородской боярской республики XIII—XV вв., отмечал: «Крупные вотчины заселялись и эксплуатировались преимущественно холопами» [7, с. 399].

люцию и даннические отношения: источники позволяют обнаружить тенденцию к более правильной организации изъятия прибавочного продукта, строгой фиксации размера дани, и, наконец, к расширению, охваченного ею, населения. Обращаясь к вопросу об истоках данничества, нужно отметить, что оно восходит к институтам как внешнего, так и внутреннего происхождения. Возможно, первоначально именно право завоевания позволило первым князьям из династии Рюриковичей реализовывать право взимания дани с подвластного населения. Неспроста старейшие летописные памятники значительное внимание уделяют фактам подчинения восточнославянских «племен» Киеву и наложению на них дани [12, с. 12]. Однако все же не представляется верным даннические отношения первого столетия существования Древнерусского государства оценивать исключительно в рамках отношений выплат покоренного населения завоевателю, как это делает И. Я. Фроянов. Соглашаясь с Л. В. Даниловой в том, что источники свидетельствуют о возникновении дани «из отношений господства и подчинения между разными этнополитическими образованиями» [3, с. 179], И. Я. Фроянов добавлял, что возникшая таким путем дань «продолжает существовать в рамках этих отношений у восточных славян на протяжении всего X в.» [22, с. 447—448]. Еще значительно раньше образования государства в восточнославянском родоплеменном обществе начинали вызревать отношения господства и подчинения. В то же время происходила и трансформация института дара, добровольных приношений за выполнение общественно значимых функций (закрепленных традицией), в постоянную фиксированную подать.

Подводя итог, нужно отметить, что искать истоки крепостничества в древнерусский период правомерно и, более того, целесообразно. В то же время нет оснований проводить прямые аналогии между явлениями различных эпох и признавать тождественными институты, сложившиеся в разное время под влиянием различных факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Греков, Б. Д.* Киевская Русь / Б. Д. Греков. М. : Гос. изд-во полит. лит-ры, 1953. 568 с.

2. *Греков, Б. Д.* Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века / Б. Д. Греков. Кн. 1. Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Изд-во Академии наук СССР, 1952. 534 с.

3. *Данилова, Л. В.* Сельская община в средневековой Руси / Л. В. Данилова. М. : Наука, 1994. 318 с.

4. *Дьяконов, М. А.* Очерки общественного и государственного строя Древней Руси / М. А. Дьяконов. СПб. : Наука, 2005. 383 с.

5. *Зимин, А. А.* О смердах Древней Руси XI— начала XII в. / А. А. Зимин // Историко-археологический сборник: к 60-летию А. В. Арциховского / под ред. Д. А. Авдусина и В. Л. Янина. М. : Наука, 1962. С. 222—228.

6. *Зимин, А. А.* Холопы на Руси (с древнейших времен до конца XV в.) / А. А. Зимин. М. : Наука, 1973. 391 с.

7. *Ключевский, В. О.* Русская история. Полный курс лекций: в 3 кн. / В. О. Ключевский. Кн. 1. М. : Мысль, 1993. 572 с.

8. *Ключевский, В. О.* Сочинения: в 8 т. / В. О. Ключевский. Т. 6: Специальные курсы. М. : Соцэкгиз, 1959. 515 с.

9. Крепостная зависимость // Словарь исторических терминов. СПб. : ЛИТА, 1998. С. 131.

10. Крепостное право // Советская историческая энциклопедия. Т. 8. М. : Изд-во «Советская энциклопедия», 1965. Стб. 68—69.

11. Кріпацтво, кріпосне право // Енциклопедія історії України: у 10 т. Київ : Наук. думка, 2008. С. 404—405.

12. Повесть временных лет. СПб. : Наука, 1996. 668 с.

13. *Пузанов, В. В.* Начало большого пути / В. В. Фроянов // Фроянов, И. Я. Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды) / И. Я. Фроянов. СПб. : Астерион, 2010. С. I—XX.

14. Русская Правда. Тексты (академическое издание) / под ред. Б. Д. Грекова. М. : Изд-во АН СССР, 1940. 472 с.

15. *Свердлов, М. Б.* Генезис и структура феодального общества в Древней Руси / М. Б. Свердлов. Л. : Наука, 1983. 238 с.

16. *Свердлов, М. Б.* Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. / М. Б. Свердлов. СПб. : Академический проект, 2003. 736 с.

17. *Свердлов, М. Б.* Смерды в Древней Руси / М. Б. Свердлов // История СССР. 1970. № 5. С. 61—76.

18. *Свердлов, М. Б.* Челядь и холопы в Древней Руси / М. Б. Свердлов // Вопросы истории. 1982. № 9. С. 42—56.

19. *Тихомиров, М. Н.* Пособие для изучения Русской Правды; под ред. проф. Б. А. Рыбакова / М. Н. Тихомиров. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1953. 192 с.

20. Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом, 1229 г. (Список А) // Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М. : Изд-во Академии наук, 1963. С. 20—25.

21. *Фроянов, И. Я.* Зависимые люди Древней Руси (челядь, холопы, данники, смерды) / И. Я. Фроянов. СПб. : Астерион, 2010. 336 с.

22. *Фроянов, И. Я.* Рабство и данничество у восточных славян / И. Я. Фроянов. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1996. 512 с.

23. *Черепнин, Л. В.* Из истории формирования класса феодально-зависимого крестьянства на Руси / Л. В. Черепнин // Исторические записки. Т. 56. 1956. С. 235—264.

24. *Черепнин, Л. В.* Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская правда / Л. В. Черепнин // Древнерусское государство и его международное значение. М. : Наука, 1965. С. 146—152.

25. *Шушарин, В. П.* Современная буржуазная историография Древней Руси / В. П. Шушарин. М. : Наука, 1964. 303 с.

26. *Юшков, С. В.* Общественно-политический строй и право Киевской Руси / С. В. Юшков. М. : Гос. изд-во юрид. лит-ры, 1949. 543 с.

РЕЗЮМЕ

В статье анализируется имущественное, экономическое и юридическое положение пашенных холопов и смердов домонгольской Руси и доказывается своеобразие обозначенных категорий. Автор последовательно рассматривает особенности зависимого положения отдельных слоев древнерусского населения, обнаруживая сходства и различия между ними и крепостными крестьянами. С точки зрения автора, истоки крепостничества лежат в институте данничества, в положении же пашенных холопов или части смердов можно обнаружить тенденцию к превращению данничества в феодальную ренту, которая позднее трансформируется в крепостничество.

SUMMARY

In this article is analyzed property, economic and legal position pashennyj lackeys and smerds of Domongolskaja Russia and the originality of the designated categories is proved. The author consistently considers the features of a state dependence of separate layers of the Old Russian population, finding out similarities and distinctions between them and serfs. From the author's point of view, serfdom sources lie at institute of dannichestvo, but in position of pashennyj lackeys or parts of smerds it is possible to find out a tendency to transformation dannichestvo in a feudal rent which later is transformed to a serfdom.

Статья поступила в редакцию 1 сентября 2010 г.